

УДК 81.33

DOI: 10.15593/2224-9389/2016.2.7

В.А. Разумовская

Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

Получена: 30.04.2016

Принята: 06.05.2016

Опубликована: 30.06.2016

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД В ОСМЫСЛЕНИИ МАСТЕРОВ СЛОВА И ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ

В статье рассматриваются «метатранслационные» вопросы, связанные с осмыслением процесса и явлений перевода знаменитыми учеными и авторами художественных текстов XX века. Исследование имеет своей целью анализ некоторых случаев метафорического осмысления перевода, представленных в переводческих метатекстах зарубежных и отечественных авторов. Обращение ученых, работающих в различных областях естественных и гуманитарных наук, а также писателей к процессу художественного перевода представляет большой интерес по причине «непрофессионального» и «свежего» подхода к сложным вопросам современного переводоведения, что дает возможность по-новому осмыслить неоднозначную и противоречивую природу регулярных переводческих трудностей. Художественный перевод может быть определен как некая гибридная наука или гибридным искусством («art-science»). Доля и вид соотношения составляющих науки и искусства в каждом конкретном случае варьируются. Очевидно, что данные параметры не могут быть изначально заданы переводчиком и возникают непосредственно в процессе перевода. Отмеченная гибридная природа художественного перевода предполагает возможность рассмотрения теоретических и практических вопросов данного вида перевода с привлечением широкого набора универсальных категорий науки и искусства, которые могут обеспечить действенный комплементарный подход к существующим ключевым проблемам данного вида коммуникативной деятельности. Особое внимание уделяется воззрениям на природу поэтического перевода (автоперевода) И. Бродского, представленных в критических и публицистических текстах поэта-переводчика (автопереводчика). Определенный интерес для художественного переводоведения представляет анализ поиска адекватных переводческих решений для перевода текста Ф. Кафки в эссеистическом произведении М. Кундеры.

Ключевые слова: *художественный перевод, литератор, ученый, творчество, мастерство, наука, искусство.*

V.A. Razumovskaya

Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russian Federation

Received: 30.04.2016

Accepted: 06.05.2016

Published: 30.06.2016

LITERARY TRANSLATION IN THE COMPREHENSION OF THE MEN OF LETTERS AND SCIENCE

The article deals with the “metatranslation” issues which are related to the comprehension of the process and phenomena of translation by the famous scientists and the authors of literary texts of the 20th century. The study aims to analyze some cases of the metaphorical understanding of translation, as reflected in the translation metatexts of the foreign and Russian authors. Addressing of the scientists and scholars working in different fields of natural sciences and humanities, as well as the writers to the process of literary translation is of great interest because of the “non-professional” and “fresh” approach to complex issues of the modern translation studies, which makes it possible to rethink the ambiguous and contradictory nature of the regular translation difficulties. The literary translation can be defined as a kind of hybrid art or hybrid art science (“art-science”). The share and the kind of the relation of science and art components vary in each particular case. It is obvious that these parameters cannot be set initially by a translator and arise directly during the translation process. A hybrid nature of literary translation suggests the possibility of consideration of theoretical and practical issues of this type of translation, which involves a wide range of universal categories of science and art and can provide the effective

complementary approach to the existing key problems of this type of communication activity. Particular attention is paid to the views of the nature of poetic translation (self-translation) of J. Brodsky presented in critical and journalistic texts of the poet-translator (self-translator). The analysis of the search for adequate translation solutions for the translation of the F. Kafka's text presented in the essayistic work by M. Kundera is of certain interest for the area of literary translation.

Keywords: *literary translation, man of letters, scientist, creativity, mastery, science, art.*

Очевидная сложная когнитивная и межкультурная природа перевода как особого межъязыкового коммуникативного процесса определяет необходимость и регулярность обращения к данному процессу как теоретиков и практиков в предметном поле переводоведения, так и представителей других разделов научных знаний в целях концептуализации его *ингерентных* (от англ. *inherent* – являющийся неотъемлемой частью чего-либо...) свойств и особенностей. Одним из последних и крайне интересных отечественных исследований переводческого дискурса и, в частности, метафор, структурирующих переводческую концептуализацию перевода, является работа Д.Г. Шаталова [1]. Теоретическими предпосылками указанного диссертационного исследования, прежде всего, стали наблюдения зарубежных переводоведов за метафорическим осмыслением перевода, отраженные в значимых переводческих метатекстах [2–5]. Несомненным достоинством работы Д.Г. Шаталова стало привлечение в качестве материала исследования российского переводческого дискурса, что позволило автору сделать интересные выводы и о метафорическом осмыслении перевода в России в текстах мастеров художественного слова [6–9].

Яркий пример «непереводческого», «непрофессионального» взгляда на переводческие проблемы и, прежде всего, на «вечные» проблемы художественного перевода представлен в работе итальянского физика Дж. Кальоти «От восприятия к мысли. О динамике неоднозначного и нарушениях симметрии в науке и искусстве» [10]. Отстаивая идеи научного универсализма, предполагающего тесное взаимодействие гуманитарных и естественных наук и возможность действенного применения категориального аппарата из других областей знаний, ученый рассматривает в переводоведческой проекции некоторые исходные и наиболее значимые универсальные научные категории: восприятие, мысль (мышление), неоднозначное, симметрия. Дж. Кальоти включает в круг своих размышлений такие общенаучные и универсальные категории, как энтропия и информация, и обращается к некоторым категориям, унифицирующим творческие процессы в науке и искусстве. Общим в данных процессах, несомненно, будет генерация новой ценной информации. В случае художественного перевода такой информацией будет информация эстетическая. Дж. Кальоти убедительно отстаивает точку зрения о том, что творчество в науке и искусстве есть результат интуитивного мышления, что делает творчество универсальным явлением. Традиционно считается, что творчество (интуиция) и профессионализм (знание) в какой-то мере находятся в отношении оппозиции, перманентного конфликта, который, тем не менее, обеспечивает прогресс науки и искусства – важнейших областей человеческой деятельности. Ярким примером-метафорой

такого конфликта может служить известная история-легенда отношений двух музыкантов – Моцарта и Сальери, описанная в известном художественном тексте А.С. Пушкина. В терминологии выдающегося физика-теоретика Н. Бора можно определить данные отношения как отношения дополнительности, которые в своей совокупности позволяют описать полный цикл творческого процесса, а также сопровождающий данный процесс широкий спектр испытываемых субъектом процесса чувств и эмоций.

Именно творчество позволяет преодолеть неоднозначность и недостаток получаемой субъектом информации для создания новой ценной информации, возникающей в условиях преодоления энтропии, при выходе информационной системы из стадии хаоса. Исследуя сходства нарушений симметрии в науке и в искусстве, Дж. Кальоти также отмечает, что для понимания поэтических структур необходимо распознавать в тексте симметрию и ее характерные признаки. При рассмотрении особенностей языковой ткани знаменитого CCLXXII сонета Ф. Петрарки, включенного в «Книгу песен» (часть «На смерть мадонны Лауры»), итальянский исследователь отмечает, что проявление симметрии обнаруживается уже в первом стихе: «*La vita fugge e non s'arresta un'ora: E la morte vien dietro a gran giornate; E le cose presenti e le passate Mi danno guerra, e le future ancoга*». В переводе Е. Солоновича первый стих звучит следующим образом: «Уходит жизнь – уж так заведено, – Уходит с каждым днем неудержимо, И прошлое ко мне непримиримо И то, что есть, и то, что суждено». Дж. Кальоти считает, что в итальянском оригинале семантическая развертка идеи (смысла) и есть преобразование симметрии. В данном случае читатель имеет дело со смысловой симметрией в пределах одного поэтического текста. Рассуждая о возможности существования вариантов стиха, являющихся результатом внутриязыковых и межъязыковых преобразований (к которым, несомненно, относится и межъязыковой перевод), Дж. Кальоти подчеркивает, что наивысшими художественными достоинствами обладает именно поэтический оригинал, и использование элементов симметрии в художественных структурах полностью отвечает эстетической потребности творчества, что обычно делается в скрытой форме. Неявное присутствие симметрии в произведении искусства дает возможность художнику, а вместе с ним и зрителю (читателю) получить определенное удовольствие от нарушений симметрии, как это и происходит при восприятии неоднозначных структур [10, с. 144–148].

Если Дж. Кальоти обращается к вопросам перевода с позиции сходства научного и художественного творчества, а также восприятия результатов данного творчества его потребителями, то многие мастера художественного слова рассматривают творчество переводчика как бы «изнутри» или в непосредственной близости от протекаемых творческих процессов. Одним из выдающихся поэтов, переводчиков и автопереводчиков XX века является Нобелевский лауреат 1988 года И. Бродский. Его творческая деятельность была очень разнообразна: создание поэтических текстов на русском и английском

языках, перевод собственного творчества и произведений других авторов. Тема перевода всегда волновала И. Бродского, который справедливо считал, что от качества перекодировки его поэтических текстов средствами других языков и культур напрямую зависела его репутация за пределами России. Необходимо признать, что Нобелевская премия была присуждена поэту именно на основе широкой известности его англоязычного творчества, преимущественно представленного английскими переводами русских поэтических оригиналов и текстами, непосредственно созданными на английском языке.

Поэзия И. Бродского неоднократно выступала объектом перевода в рамках трех основных подходов: перевод текстов Бродского другими переводчиками; перевод текстов Бродского профессиональными переводчиками в соавторстве с автором оригиналов (сопереvod) и перевод автором собственных текстов (автоперевод). Поэт постоянно повторял, что от качества перевода зависит многое в судьбе мастера художественного слова и в судьбе его текстов. И, прежде всего, именно от качества перевода зависит то, как воспримут созданное им поэтическое произведение читатели, не владеющие языком оригинала и принадлежащие к «чужой» культуре. «Хороший» перевод сохраняет оригинальный авторский смысл, намерения, индивидуальность и эстетику автора в тексте-переводе. Существует мнение о том, что если бы И. Бродский жил только в России, то перевод, вероятно, не обрел бы для него ту огромную важность и ценность, какую он придавал переводу, живя на Западе после иммиграции. И. Бродский признавал пользу всех переводов без исключения, включая даже не совсем удачные и откровенно плохие переводы. Поэт считал, что плохие переводы не так уж бесполезны или даже вредны, поскольку плохие переводы «позволяют читателю отдаться собственному воображению» [11, с. 184]. Анализируя переводы поэтических текстов А.А. Ахматовой, он отмечал, что многие особенности индивидуального авторского стиля и поэтического языка А.А. Ахматовой безвозвратно теряются в переводе. Размышляя о поэтическом наследии А.А. Ахматовой, поэт-переводчик замечал, что и отечественной русскоязычной аудитории также приходилось иметь дело с поэзией А.А. Ахматовой в достаточно искаженном виде, что происходило по причине существования в СССР цензуры. И. Бродский неоднократно подчеркивал, что цензуру и перевод сближает их общий принцип действия «по возможности»: языковые барьеры образно сравнивались поэтом с барьерами цензуры, поскольку они оказывались не ниже, чем воздвигнутые государством барьеры [12, с. 38].

К сожалению, в творческом наследии И. Бродского нет самостоятельной и завершенной авторской теории художественного перевода, объясняющей основные принципы и гипотезы осуществления поэтического перевода. Тем не менее существуют высказывания поэта-переводчика, свидетельствующие о том, что его концепция перевода основывается на его собственном практическом опыте, приобретенном в процессе перевода собственных текстов и текстов других по-

этов: «У меня есть собственные соображения относительно переводов. Нет, теории у меня нет. Я сомневаюсь, что в этом вопросе может существовать какая-либо теория. Тут все зависит от практики, все в процессе ее проб и ошибок» [11, с. 250]. Крайне важно, что в вопросах о принципиальной переводимости (или непереводимости) поэзии И. Бродский никогда не разделял широко распространенное мнение В. Набокова, Р. Якобсона, Р. Фроста и многих других теоретиков и практиков поэтического перевода о том, что поэзия – это то, что теряется в переводе [13, с. 58]. И. Бродский был глубоко убежден, что любая поэзия переводима. Поэт-переводчик считал, что успех или неуспех перевода напрямую зависит от того, насколько переводчик конгениален поэту, насколько он опытен, трудолюбив и верен тексту оригинала: «...перевод требует стилистической, если не психологической конгениальности... Тембр, тон и темп, отраженные в метре стихотворения, передаваемы» [12, с. 104]. Идея конгениальности является одной из ключевых идей «концепции перевода» И. Бродского: переводчик должен быть конгениален поэту и если нельзя найти конгениального переводчика, то поэт сам должен стать собственным конгениальным переводчиком. И. Бродский отстаивает идею о том, что, переводя собственные тексты, он становится конгениальным автору оригинала, т.е. самому себе. Переводческие воззрения поэта тесно связаны с его авторской «философией языка», имеющей своей сутью любовь поэта к языку, обожание языка. Переводческий оптимизм поэта выражался в том, что при повторных обращениях к оригинальному тексту как объекту перевода любая (даже самая трудная) переводческая задача может быть успешно решена. И. Бродский неоднократно повторял известную мысль о том, что при переводе что-то теряется: «...вы можете потерять ту или иную рифму, но, зная, что теряете ее в одном месте, стараетесь это как-то компенсировать в другой строке. То есть вы стараетесь поддерживать определенный эстетический баланс, который существует в оригинале, и если он действительно существует, вы просто стараетесь различными средствами воссоздать в переводе равновесие» [11, с. 250]. Именно идея сохранения эстетического баланса оригинального и переводного текстов выступает одной из ключевых идей «переводческой концепции» И. Бродского: переводчик принимает переводческие решения относительно формальных и содержательных единиц поэтического текста, и с позиций принципа комплементарности можно говорить о существовании формально-содержательного единства (комплекса) поэтического текста. И. Бродский отмечал, что содержание для него не столь интересно, так как переводчик не может расширить или расцветить его по своим правилам и желаниям. Самое главное в переводе – это сохранить строй оригинала [11, с. 351]. То, что И. Бродский понимал под строем оригинала, можно в других терминах определить как изоморфизм оригинального текста, а основная задача переводчика может быть сформулирована как необходимость сохранения в переводном тексте изоморфизма формы и содержания оригинала [14].

Ценные размышления и тонкие наблюдения о важности и несомненных трудностях перевода художественного текста представлены в книге эссе Милана Кундеры «Нарушенные завещания» (Часть 4. Фраза) [15, с. 105–122]. Примечательно, что автор подробно останавливается на трудностях перевода только одной фразы (что отражено и в названии соответствующей части книги – «Фраза») из немецкого оригинала неоконченного романа Ф. Кафки «Замок». Трудность перевода анализируемой фразы объясняется автором эссе тем, что данный отрывок – «лишь одна длинная метафора. Ничего не требует от переводчика большей точности, чем перевод метафоры. Именно здесь затрагивается самая суть поэтической оригинальности текста» [15, с. 107]. Поскольку оригинальный текст эссе написан автором на французском языке, то во «Фразе» представлен детальный анализ наиболее известных французских переводов текстового отрывка Ф. Кафки, выполненных А. Виаллатом (1938), К. Давидом (1976) и Б. Лортолари (1984). Важно подчеркнуть, что сравнение трех французских переводов во французском оригинале эссе сопровождается в тексте немецким оригиналом и его французским подстрочником. Обращая внимание своих читателей на феноменологический характер метафоры Ф. Кафки, М. Кундера делает довольно резкие замечания по поводу систематической синонимизации и обращается к переводчикам с призывом «О господа переводчики, не нужно нас содонимизировать!» [15, с. 112]. Кроме того, во «Фразе» содержатся интересные рассуждения о регулярном стремлении переводчиков обогатить словарь текста перевода по сравнению со словарем текста оригинала, что, по мнению автора, нарушает красоту оригинальной прозы Кафки, не соответствует эстетической цели его творчества, его аскетизму и антиэстетизму. С точки зрения М. Кундеры, особый интерес представляет мелодия кафкианского текста, передача которой является крайне трудной задачей для переводчиков по причине очевидных трудностей как понимания и дешифровки смыслов оригинальных текстов, так и особенностей их языкового и, прежде всего, стилистического воплощения.

Полилингвальность и переводческая вариативность французского оригинала эссе определяют объективную трудность перевода всего творчества Кафки и, в частности, текста романа «Замок» на иностранные языки. Так, перевод книги эссе М. Кундеры на русский язык, выполненный М. Таймановой и опубликованный в 2004 году, полностью отражает поиски «хорошего» перевода кафкианского текста автором эссе и представляет собой крайне трудный и интересный переводческий эксперимент. В соответствии с пожеланиями М. Кундеры автором русского перевода были внесены изменения в цитаты из переводов «Замка» Ф. Кафки, выполненных Р.Я. Райт-Ковалевой в 1988 году. Таким образом, русский перевод текста оригинального эссе представляет собой результат совместного и продолжительного творческого процесса переводчиков нескольких поколений, принадлежащих к различным культурам и переводческим традициям.

Признавая бесспорную значимость художественного перевода для межкультурного и межъязыкового общения и отмечая его важнейшую роль в культурном

взаимодействии и взаимовлиянии, важно отметить, что каждый взгляд, позволяющий по-новому осмыслить столь сложный и неоднозначный коммуникативный процесс, имеет большое значение для дальнейшего развития художественного переводоведения. «Непрофессиональное» осмысление особенностей данного вида перевода через метафорическую концептуализацию позволит по-новому рассмотреть природу художественного перевода и расширить его категориальную основу.

Список литературы

1. Шаталов Д.Г. Метафорическое осмысление перевода: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2014.
2. Hermans T. Images of Translation: Metaphor and Imagery in the Renaissance Discourse on Translation // Manipulation in Literature. – London: Croom Helm, 1985. – С. 103–135.
3. Hanne M. Metaphors for the Translator // The Translator as Writer. – London & New York: Continuum, 2006. – С. 207–223.
4. Skibińska E., Blumczyński P. Polish Metaphorical Perception of the Translator and Translation // Target. – 2009. – Vol. 21., № 1. – P. 30–57.
5. Thinking Through Translation with Metaphors // St. André J. (ed.). – Manchester: St. Jerome, 2010.
6. Антакольский П.Г. Черный хлеб мастерства // Мастерство перевода. – Т. 4. – М.: Советский писатель, 1963. – С. 5–13.
7. Заболоцкий Н.А. Заметки переводчика // Мастерство перевода. – Т. 2. – М.: Советский писатель, 1959. – С. 251–254.
8. Маркова В.Н. Советские поэты-переводчики отвечают на вопросы Любена Любенова // Мастерство перевода. – 1985. – Т. 13. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 116–146.
9. Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. – Л.: Наука, 1973.
10. Кальоти Дж. От восприятия к мысли. О динамике неоднозначного и нарушении симметрии в науке и искусстве. – М.: Мир, 1998.
11. Бродский И. Большая книга интервью. – М.: Захаров, 2000.
12. Бродский И. Сочинения: в 7 т. – Т. 5. – СПб.: Пушкинский фонд, 2003–2005.
13. Волков С. Диалоги с Бродским. – М.: Независимая газета, 1998.
14. Разумовская В.А. Многоуровневый изоморфизм поэтического текста и единица перевода (на материале переводов русских поэтических текстов) // Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф.; Гранада, 7–9 мая 2007 г. Т. 2. – СПб.-Гранада: МИРС, 2007. – С. 1097–1102.
15. Кундера М. Нарушенные завещания: эссе / пер. с фр. М. Таймановой. – СПб: Азбука-классика, 2004.

References

1. Shatalov D.G. Metaforicheskoe osmyslenie perevoda [Metaphorical Interpretation of the Translation]. Thesis of the Candidate of Philology. Voronezh, 2014.
2. Hermans T. Images of Translation: Metaphor and Imagery in the Renaissance Discourse on Translation. In: Manipulation in Literature. London: Croom Helm, 1985, pp. 103–135.

3. Hanne M. Metaphors for the Translator. In: *The Translator as Writer*. London & New York, Continuum, 2006, pp. 207–223.
4. Skibińska E., Blumczyński P. Polish Metaphorical Perception of the Translator and Translation. *Target*, 2009, vol. 21, no. 1, pp. 30–57.
5. St. André J. (ed.). *Thinking Through Translation with Metaphors*. Manchester, St. Jerome, 2010.
6. Antakol'skii P.G. Chernyi khleb masterstva [The black bread of mastery]. *Masterstvo perevoda*, vol. 4. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1963, pp. 5–13.
7. Zabolotskii N.A. Zametki perevodchika [The Notes of Translator]. *Masterstvo perevoda*, vol. 2. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1959, pp. 251–254.
8. Markova V.N. Sovetskie poety-perevodchiki otvechali na voprosy Liubena Liubenova [The Soviet poets-translators answer the questions of Lyuben Lyubenov]. *Masterstvo perevoda*, 1985, vol. 13. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, pp. 116–146.
9. Etkind E.G. Russkie poety-perevodchiki ot Trediakovskogo do Pushkina [Russian poets and translators from Trediakovsky to Pushkin]. Leningrad: Nauka Publ., 1973.
10. Kal'oti Dzh. Ot vospriiatiia k mysli. O dinamike neodnoznachnogo i narushenii simmetrii v nauke i iskusstve [From perception to thought. On dynamics of ambiguity and symmetry breaking in science and art]. Moscow, Mir Publ., 1998.
11. Brodskii I. Bol'shaia kniga interv'iu [The big book of interviews]. Moscow: Zakharov Publ., 2000.
12. Brodskii I. Sochineniia [Writings], vol. 5. Saint-Petersburg, Pushkinskii fond Publ., 1999.
13. Volkov S. Dialogi s Brodskim [The dialogues with Brodsky]. Moscow: Nezavisimaia gazeta Publ., 1998.
14. Razumovskaia V.A. Mnogourovnevnyi izomorfizm poeticheskogo teksta i edinitsa perevoda (na materiale perevodov russkikh poeticheskikh tekstov) [Multilevel isomorphism of the poetic text and the unit of translation (on the material of the Russian poetic texts translations)]. *Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "Russkii iazyk i literatura v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve: sovremennoe sostoianie i perspektivy"* [Proc. Int. Sci.-Pract. Conf. "The Russian Language and Literature in the International Educational Space: Current Status and Perspectives"], vol. 2. Saint-Petersburg: MIRS Publ., 2007, pp. 1097–1102.
15. Kundera M. *Les Testaments trahis*. Paris, Gallimard, 1993. 336 p. (Russ. ed.: Kundera M. *Narushennye zaveshchaniia*. Saint-Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2004. 288 p.).

Сведения об авторе

РАЗУМОВСКАЯ Вероника Адольфовна
e-mail: veronica_raz@hotmail.com

Кандидат филологических наук, профессор кафедры делового иностранного языка, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия)

About the author

Veronica A. Razumovskaya
e-mail: veronica_raz@hotmail.com

Candidate of Philology, Professor, Department of Business Foreign Language, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)